

Москва, Плющиха,
соб. дом.

25 октября 1891 г.

Дорогая графиня,

Некоторые люди до последних дней жизни сохраняют пыл и увлечение молодости. К ним на первом плане принадлежит Лев Николаевич и, между прочим, Ваш покорнейший слуга, в чем его часто укоряют. Хорошо ли это или дурно, судить не берусь, но знаю: с летами чувство не удовлетворяется безотчетным и непосредственным наслаждением, а поневоле критически осматривается на причины своего наслаждения. Юноша, смотря на восход солнца или прелестную женщину, даже не подумает о том, что сидит на жестком камне, а старик, восхищаясь театральным представлением, желает, чтобы в ложе не дуло, а, напротив, было тепло, светло и даже благоуханно.

В ту минуту, когда Вы вчера, вспомнивши о нас, грешных, забежали к нам, я с хромым Дьяковым и княгиней Оболенскою беседовал о Вас и говорил, что ожидаем Вас с минуты на минуту.

Есть два рода парения: одно проявляется в беззаботном возлжании на ковре-самолете, уносимом благодетельными духами; и другое — парение могоучего орла, уносящего свою дорогую ношу. Первое — достояние беспечности и лени, и способно только нравственно принизить наблюдателя; второе — Ваше парение, которое всегда освежает и ободряет созерцателя. Умиротворять, успокаивать взоры на Вашем парении можно только при желании забыть ежедневные занавески и ковры, и, конечно, не в ту минуту, когда необходимость гонит Вас к этим коврам и занавескам.

Вот почему мы с женою будем нетерпеливо ждать середи, надеясь, что Вы хотя несколько минут подарите нам специально до 5 часов, когда мы обычно садимся за стол.

Примите наши сердечные приветствия.

Неизменно Вам преданный

А. Шеншин.

Страхов собирается из Крыма заехать в Ясную Поляну, а затем к нам на Плющиху.